

ЗАОЗЕРСКИЙ Даниил Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории биоресурсов и этнографии Института биогеографии и генетических ресурсов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск). Автор 13 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0290-4551>

НОВОЗЕМЕЛЬСКИЕ И ШПИЦБЕРГЕНСКИЕ ЗВЕРОБОЙНЫЕ АРТЕЛИ В XIX – начале XX века: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ¹

На Архангельском Севере в XIX – начале XX века зверобойный промысел осуществлялся артелями, поскольку суровый климат региона, а также сложные условия самого промысла не позволяли действовать в одиночку. Актуальность данной работы объясняется практически полным отсутствием к настоящему моменту исследований об особенностях внутренней организации и правового статуса новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей в XIX – начале XX века. Кроме того, изучение этих артелей представляется необходимым для дальнейшего описания опыта эксплуатации морских биоресурсов Арктики Россией в целом в XIX – начале XX века. Цель настоящей статьи заключается в раскрытии внутренней организации и правового статуса новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей в рассматриваемый период. Источниками публикации послужили законодательные акты, регулировавшие работу артелей в XIX – начале XX века, опубликованные источники о новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелях, данные Государственного архива Архангельской области. Для анализа автор использует историко-системный и историко-генетический методы. В статье рассмотрены обычаи и правила, существовавшие в новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелях в XIX – начале XX века. Все это позволило выяснить, как менялась внутренняя организация данных артелей. Автором было установлено, какие принципы способствовали сохранению новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей, а также к какой области права указанные артели относились в XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Арктика, Новая Земля, Шпицберген, зверобойная артель, морские и зверобойные промыслы.

*Адрес: 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru

Для цитирования: Заозерский Д.С. Новоземельские и шпицбергенские зверобойные артели в XIX – начале XX века: правовой статус и внутренняя организация // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 6. С. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V058

¹Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Экологические и социокультурные факторы сохранения биоразнообразия и традиционного природопользования на Европейском Севере и в Арктике» (ЕГИСУ НИОКТР № АААА-А17-117122990042-2).

Введение

В XIX – начале XX века на Архангельском Севере зверобойный промысел велся артельно, что объяснялось не только суровым климатом региона, но и сложными условиями самого промысла, влекущими за собой невозможность действовать в одиночку. В то же время артель в России являлась распространенной формой объединения нескольких лиц для ведения трудовой деятельности в докапиталистический период. Исследование организационных и юридических вопросов функционирования новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей представляется необходимым для раскрытия опыта эксплуатации морских биоресурсов Арктики Россией в XIX – начале XX века.

Цель данной статьи – изучить внутреннюю организацию и правовой статус новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей в XIX – начале XX века.

В работе систематизированы различные сведения об устройстве новоземельских и шпицбергенских артелей, рассмотрены законодательные акты, регулировавшие деятельность артелей в России в XIX – начале XX века. Теоретическая и практическая значимость настоящей статьи заключается в возможности использования ее результатов при подготовке перспективного исследования на тему хозяйственного освоения Арктики в XIX – начале XX века, а также при разработке специализированных учебных курсов по истории Арктики.

Обзор литературы

Историография по теме публикации может быть разделена на две группы: 1) работы, посвященные артели в России в целом; 2) труды о зверобойных артелях Архангельского Севера.

А.А. Исаев в работе «Артели в России» сформулировал определение понятия «артель» (актуальное и к настоящему моменту), предложил классификацию артелей, описал особенности взаимодействия членов артелей внутри коллектива, а также самих артелей с органами власти [1]. К первой группе исследований также относятся статьи С. Прокоповича [2],

И.А. Новикова [3, 4], В.В. Аверьянова [5], П.В. Седаева [6]. Отдельно стоит отметить коллективную монографию «Артель и артельный человек», авторы которой, В.В. Аверьянов, В.Ю. Венедиктов, А.В. Козлов, предприняли попытку систематизации опыта изучения артелей в России, обозначили общие принципы социально-трудовой организации в артели и крестьянской общине [7].

Одним из первых исследователей, писавших о зверобойных артелях на Архангельском Севере, был Н.Я. Озерецковский [8–10], который раскрыл обычаи внутренней организации артелей в последней трети XVIII века, получившие впоследствии подтверждение в работах К.М. Бэра [11] и С.В. Максимова [12] в первой половине XIX века. Во второй половине XIX века проблемой зверобойных артелей занимались Н.Я. Данилевский [13], А.Я. Ефименко [14], П.С. Ефименко [15].

Советский период изучения зверобойных артелей Архангельского Севера представлен монографией Т.А. Бернштам [16]. Современный взгляд отечественных исследователей на зверобойные артели Архангельского Севера отражен в статьях И.Н. Белобородовой [17], Т.С. Минаевой [18] и С.А. Никонова [19, 20].

Заслуживают внимания работы зарубежных ученых Д. Аванго, У. Врокберга, М. Конвея, Л. Хакборда, М.Э. Ясински [21–23], в которых приводятся сведения о шпицбергенских артелях.

Источниками данной статьи послужили:

– законодательные акты: Устав цехов 1799 года [24] и Положение об артелях трудовых 1902 года [25];

– «Морской устав» 1748 года, составленный на основе обычаев мезенских промышленников, введенный в научный оборот Н.Я. Озерецковским и опубликованный в 1846 году [26, 27];

– «Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями», 1797 год [28];

– архивный источник из фонда И-538 «Мезенский земский исправник» Государственного архива Архангельской области (ГААО) [29].

Методология

В статье использован историко-системный метод, дающий возможность рассмотреть деятельность зверобойных артелей как часть процесса хозяйственного освоения Арктики Россией в XIX – начале XX века. Историко-генетический метод применяется для раскрытия функций артелей, а также позволяет выяснить, как менялись зверобойные артели на протяжении исследуемого периода.

Результаты

В дореволюционной России артель являлась распространенной формой экономических отношений населения, ввиду чего существовало широкое понимание данного термина. Так, И.А. Новиков приводит две трактовки: 1) употребляемая простым народом: коллектив, в который объединяются люди для достижения общей цели; 2) употребляемая в законодательстве (по Уставу цехов от 12 ноября 1799 года и последующим законодательным актам [3, с. 83]): общество работников, добровольно и на началах круговой поруки производящее служения и работы, «несоразмерные силам одного человека» [24, с. 881].

В данной статье будет использовано определение А.А. Исаева, согласно которому артель представляла собой «основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом» [1, с. 77].

Одна из первых попыток законодательного регулирования деятельности зверобойных артелей Архангельского Севера была предпринята в 1748 году в связи с появлением монопольной компании графа П.И. Шувалова [29, л. 19 об.]. В то время мезенские промышленники по требованию Архангельской «сальной» конторы данной компании подготовили свод правил, которыми они руководствовались во время ведения промыслов [14, с. 13]. Эти правила были названы «Морским уставом». Он не являлся законодательным документом, был создан на

основе действовавших среди промышленников-зверобоев устных обычаев и раскрывал важнейшие механизмы функционирования новоземельских и шпицбергенских артелей. «Морской устав» был опубликован только в 1846 году в статьях Н.Я. Озерецковского [26, 27], изданных после его смерти.

В период деятельности компании П.И. Шувалова промышленники были обязаны сдавать всю добытую продукцию «графским скупщикам» по установленным ценам, которые были ниже рыночных [27, с. 640]. В 1762 году компания была закрыта по указу Екатерины II об отмене монополий на рыбные и зверобойные промыслы.

Можно предположить, что если бы «Морской устав» носил характер закона, то его появление предшествовало бы утверждению общего артельного законодательства в России, в то время как артель как юридический термин впервые упоминается в Уставе цехов, принятом 12 ноября 1799 года [24].

На момент написания своей работы, в 1881 году, А.А. Исаев отмечал, что в России отсутствует единое законодательство, регулирующее деятельность артелей, поскольку артельная «форма труда издревле применялась в тех отраслях, которые слишком удалены от законодателя» [1, с. 220]. Только 1 июня 1902 года Николай II утвердил Положение об артелях трудовых [25], согласно которому артели были поделены на две группы: уставные (образуемые на основании уставов) и договорные (образуемые на основании общих законодательных постановлений о гражданских договорах) [2, стб. 758]. Закон регулировал деятельность только уставных артелей, в то время как договорные артели не получили прав юридических лиц.

Согласно п. 6 Положения 1902 года, перед утверждением местным губернатором устав артели должен был быть подписан как минимум пятью учредителями артели [25, с. 416]. Как уже было отмечено, новоземельские и шпицбергенские зверобойные артели снаряжались в XIX веке одной компанией, одним человеком (т. е. одним учредителем) или двумя-тремя людьми.

Члены артели (покрутчики²) не были учредителями. Все это позволяет прийти к выводу, что данные артели не могли являться уставными, а значит, вероятнее всего, оставались в области обычного права.

Труд промышленников-зверобоев был тяжелым, с добычей не всегда удавалось благополучно вернуться домой. Это подтолкнуло членов артелей выработать свод правил, служащих их общей пользе, не зафиксированных в письменном виде, но известных каждому промышленнику [10, с. 607]. Опираясь на свой многолетний опыт, промышленники пришли к выводу о необходимости поддерживать в артелях строгую дисциплину и распределение обязанностей [10, с. 605], т. к. отсутствие слаженной деятельности, чье-либо непослушание или беспорядок могли привести не только к неудачам во время промысла, но и к гибели судна или экипажа [14, с. 29].

Все промышленники судна составляли артель. По отношению друг к другу члены артели должны были вести себя вежливо, по отношению ко всей артели – честно, т. е. максимально заботиться об общем интересе, все добытое вносить в артель, ничего не скрывая в свою пользу [14, с. 29], что подтверждается непосредственными наблюдениями К.М. Бэра [11, с. 658; 12, с. 382], который во время своей экспедиции был очевидцем деятельности отдельной артели на Новой Земле в 1837 году.

Главой артели во время похода и зимовки являлся кормщик, которому все остальные были обязаны подчиняться, а при необходимости – имели право дать ему совет [10, с. 606; 14, с. 29; 26, с. 626]. А.Я. Ефименко сообщает, что кормщик мог наказывать слушников телесно и в исполнении наказания ему помогали прочие члены артели [14, с. 14], но исследователь не уточняет, к какому периоду относятся такого рода наказания.

Даже при условии совместного снаряжения судна двумя хозяевами-«половинниками» главной артели был более опытный моряк, а второй не вмешивался в его распоряжения [11, с. 658]. В случае ослушания какого-либо работника, при нанесении оскорблений или побоев, что было крайне редким явлением, на помощь кормщику приходили прочие члены артели [12, с. 382]. При численном превосходстве протестовавших, когда кормщик не мог справиться с ними, он должен был засвидетельствовать ослушание в других зимовьях или перед экипажами других судов, чтобы по возвращении домой привлечь бунтарей к ответственности [10, с. 606].

Будучи «не обученным навигации», но имея навык мореплавания, кормщик или полукормщик (подкормщик, являлся вторым по старшинству после кормщика) вел судно в открытом океане, используя компас и/или карту [28, с. 80]. Кроме того, кормщик должен был уметь управлять карбасом посредством руля и весла. Последнее применялось при снятии руля во время подъезда к наледице³, к которой необходимо было пристать носом карбаса, а не «скулой», чтобы успеть увернуться от бросившегося в воду животного. Также кормщик должен был уметь отводить карбас от зверя, атакующего из воды [10, с. 606]. Предстоит узнать, кто управлял вторым карбасом в случае, если численность артели значительно превышала вместимость одного карбаса (т. е. более 9-10 чел.) [8, с. 571]. Предположительно, эту роль играл полукормщик.

Хозяин или его наместник располагался на носу карбаса, чтобы «принимать зверя на носок (гарпун)» и атаковать его спицей (пикой), когда зверь сделает нападение на судно [14, с. 13].

Два носошника (это были полукормщик и полууженщик [16, с. 158], который, в свою очередь, являлся третьим по старшинству) находились

²Покрут на Архангельском Севере означал наем на рыбные и зверобойные промыслы, при котором хозяин (организатор промыслов и человек, объединивший людей в артель) предоставлял работникам судно, орудия, продовольствие и одежду. Покрутчик (покру(т)ченик, покрученник) – работник, участвовавший в артели только своим трудом, при этом весь предполагаемый доход промысла делился на несколько частей (паев, уж(и)н), количество которых, как правило, превосходило численность артели.

³Наледица – скопление моржей, отдыхающих на льдине [9, с. 592].

рядом с хозяином и также метали в зверя носки, чтобы нанести тому больший урон. Вместе с хозяином носошники отбивались от нападавшего на карбас зверя, используя спицы [10, с. 605].

Два забочешника (могли быть покрутчиками или полууженщиками [16, с. 158]) следили, чтобы не запутались оборы (ремни, к которым привязывались гарпуны [14, с. 13–14]), притягивали их, когда зверь поднимался к поверхности воды, и отпускали, когда он погружался в глубину. Кроме этого забочешники подавали хозяину и носошникам носки, спицы и багры, хватали выпавшие шестики, на которые насаживались носки, опускали в воду привязанные к ремням пустые бочки. Эти бочки, плавая на поверхности, указывали место, где находился зверь [14, с. 14]. Во время движения карбаса забочешники ставили и убирала паруса и гребли веслами. Гребцы (были покрутчиками [16, с. 158]) помогали вытаскивать на лед убитых зверей и разделять их [10, с. 606].

Возглавлявший «экспедицию для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях» (1859–1861 годы) Н.Я. Данилевский упоминает и о таком члене новоземельской артели, как мальчик. Мальчик, как правило, находился рядом с хозяином, когда последний, прибыв в одно из новоземельских становищ и отправив свои карбасы добывать моржей, оставался на судне и расставлял «прометы⁴ в виде крюков» для ловли тюленей. На каждом судне было от 5 до 7 прометов, хозяину нужно было как можно чаще осматривать выставленные крюки и убивать попавших туда животных [13, с. 158]. При этом исследователь не сообщает о роли мальчика, степени его участия в промысле, возрасте и доле, получаемой при разделе добычи.

При высадке на архипелаг промышленники заводили судно в безопасный залив и выгружали провизию в прежние становища. В избе оста-

вался один человек для приготовления пищи и выпечки хлеба. Члены артели небольшими отрядами (по 8 и более человек в одном карбасе) выезжали в море [9, с. 591; 28, с. 81]. С наступлением полярной ночи поездки в море становились невозможными и промышленники переключались на охоту, располагаясь на зиму по двое в небольших избушках с порохом, необходимыми инструментами и продовольствием на расстоянии от 20 до 100 верст от становища. При этом один или два человека оставались в становой избе следить за судном. Примечательно, что кормщик и подкормщик также периодически покидали стантовую избу для ведения промысла [28, с. 82–83].

Утверждение, сделанное Н.Я. Данилевским по итогам экспедиции 1859–1861 годов, что «только люди буйные, пьяные и самого дурного поведения», которые не умели рационально распоряжаться заработками, «потому что не только пропивали все свое, но и часть хозяйского добра», и которых хозяева избегали нанимать на «другую работу, соглашались идти покрутчиками на Шпицберген или на зимовку на Новую Землю» [13, с. 161], а также описанный им случай сговора нескольких членов артели во время зимовки на Шпицбергене в 1851 году, когда они, забрав добычу, совершили убийство других членов команды [18, с. 10], вступают в противоречие с предлагаемым В.В. Аверьяновым «подбором в артели людей по принципу не только профессионализма, но и личных качеств» [5, с. 111] и свидетельствуют о наметившемся в середине XIX века кризисе в зверобойных артелях.

Далее будет рассмотрено, как несколько новоземельских артелей взаимодействовало между собой.

Объединение нескольких артелей на неопределенный срок в одну большую называлось котляной. Суда котляны стояли в одной бухте или

⁴Прометы – ставные сети, одна из которых была расположена перпендикулярно к направлению берега. Сети были соединены между собой так, что между ними оставался промежуток не более аршина для прохода одного зверя в крюк. Ячей прометов были размером с голову человека с приставленной к ней ребром ладонью. Войдя в крюк, зверь заячивался и запутывался, хотя некоторые могли освободиться, отталкиваясь лапами назад.

в одном становище. На промысел отправлялись несколько человек из каждой артели, входившей в котляну. Добычу делили поровну между всеми, кто работал, включая тех, кто оставался на судне по общему согласию членов котляны, например чтобы сберечь судно. Долю из добычи всей котляны не получал только «оставшийся на судне по своей воле» [12, с. 382; 14, с. 15].

Если во время промысла случалась буря и суда вынужденно отдалялись друг от друга или когда за зверем разъезжались в разные стороны, то по возвращении добыча делилась между всеми членами котляны. Заболевший, как и наследники умершего во время промысла, получал пай не со всей котляны, а только с того судна, на котором пришел. Артель, вернувшаяся раньше других, следила за судном задержавшихся и в случае невозможности предотвращения крушения безвозмездно эвакуировала с него снасти [12, с. 382].

Бывали случаи, когда котляна принимала решение разделить добычу только по возвращении домой. Такая котляна называлась плотной. В определенном смысле она ограничивала независимость отдельной артели. Для вступления в плотную котляну необходимо было согласие как хозяина, так и кормщика [14, с. 17].

В случае когда несколько судов входило в одну бухту или встречалось у одной наледицы и не договаривалось действовать единой артелью, промышленники с этих судов не мешали друг другу добывать зверя, не обманывали своих коллег [11, с. 658; 12, с. 382–383]. Если же они принимали решение действовать совместно, то такое краткосрочное соглашение называлось смашной котляной. Для того чтобы возникла смашная котляна, хозяин или кормщик судна, прибывшего последним, подавал другим знак о намерении объединиться или промыслять отдельно (тогда хозяева или кормщики договаривались между собой, как отправят своих людей по разным заливам). При совместной работе не требовалось документального подтверждения договора [12, с. 383], хозяева составляли общий план промысла и решали, сколько человек предоставят в смашную кот-

ляну. Добыча делилась поровну вне зависимости от вклада в общее дело каждой артели [11, с. 658; 12, с. 383; 14, с. 33]. После раздела добычи все обязательства одной артели по отношению к другой переставали действовать.

П.С. Ефименко называл такую котляну плотной [15, с. 162], что противоречит как информации, приведенной в «Морском уставе» XVIII века, так и сведениям К.М. Бэра и С.В. Максимова, относящимся к первой половине XIX века. Объяснение этому было дано А.Я. Ефименко, отметившей, что к 1870-м годам установились следующие значения термина «плотная котляна»:

– объединение нескольких артелей на короткий срок, например при обнаружении ими в одном месте большого количества моржей (единство действий помогало не спугнуть добычу);

– совместная деятельность нескольких хозяев для снаряжения артели на Новую Землю.

Исследователь пришла к выводу, что такая «сбивчивость терминов» являлась одним из признаков упадка новоземельских моржовых промыслов [14, с. 33].

Итак, существование котляны снижало промысловые риски отдельной артели в отношении добычи и сохранности судов. Несмотря на то, что в котляне все делилось поровну, после распределения добытого между артелями каждая артель перераспределяла все между своими членами согласно их должностям, опыту и количеству принесенной продукции [14, с. 16].

Даже не вступая ни в одну из котлян, каждая новоземельская артель имела определенные обязательства перед другими промышленниками [14, с. 17]. Было принято оказывать помощь потерпевшим при повреждении или потере судна: людей вывозили и кормили, при этом, как правило, не взималась плата и не составлялся письменный договор. Принятые на борт должны были участвовать в промысле. Артель, эвакуировавшая промышленников, могла брать или не брать их добычу, но снасти, которые представляли особую ценность, была обязана вывезти [12, с. 383] и вернуть хозяину, снарядившему артель пострадавших.

Заключение

Правовой статус новоземельских и шпицбергенских артелей в XIX – начале XX века не был определен, хотя еще в 1748 году в рамках «Морского устава» была предпринята попытка урегулирования их отношений с государством.

Внутренняя организация новоземельских и шпицбергенских зверобойных артелей в XIX – начале XX века оставалась неизменной. Артельный принцип осуществления зверобойных промыслов сохранялся на протяжении длительного времени, т. к. в силу сложных климатических условий на Новой Земле и Шпицбергене промысел мог быть только коллективным. Представленные в статье обычаи и правила, благодаря которым обеспечивались существование и функционирование артелей в XIX – начале XX века, служат примером проявления гражданского общества в трудовой деятельности. Сохранению артелей способствовали и принципы крестьянской жизни, поскольку

значительная часть зверобоев была выходцами из крестьянской среды.

Дальнейшего изыскания в архивах требует вопрос о том, происходили ли конфликты между артелями поморов в XIX – начале XX века и каковы были их причины.

К настоящему моменту неизвестно, как осуществлялось привлечение работников в новоземельские и шпицбергенские артели в XIX – начале XX века: действовал ли нанятый хозяином агитатор или, что более вероятно, промышленники самостоятельно обращались к хозяину, имевшему средства на снаряжение судна. Пример второго варианта приведен в работе С.В. Максимова, однако автор сообщал о том, как промышленник попросил купца, чтобы его взяли в артель, отправлявшуюся на Мурман [12, с. 192–194], в то время как сведений об аналогичных переговорах относительно отправки на Новую Землю или Шпицберген в источниках пока не обнаружено.

Список литературы

1. *Исаев А.А.* Артели в России // Русская артель / сост., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. С. 61–287.
2. *Прокопович С.* Артель // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 3. Стб. 749–767. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004103475#?page=400> (дата обращения: 15.07.2020).
3. *Новиков И.А.* «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85.
4. *Новиков И.А.* Артель в России во второй половине XIX – начале XX в. К вопросу об определении термина // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 4(8). С. 147–161.
5. *Аверьянов В.В.* Русская артель. Невостребованный опыт: из прошлого в будущее? // Свобод. мысль. 2014. № 3. С. 107–124.
6. *Седаев П.В.* Артель, как альтернативная капиталистическому производству, форма организации хозяйства в России // Актуальные вопросы современной науки: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25 января 2014 года. М.: Спутник+, 2014. С. 241–244.
7. *Аверьянов В.В., Венедиктов В.Ю., Козлов А.В.* Артель и артельный человек / сост., введ. В.В. Аверьянова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 688 с.
8. *Озерецковский Н.* Описание моржоваго промысла // Арханг. губ. вед. 1846. № 38. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 571–573.
9. *Озерецковский Н.* Описание моржоваго промысла (продолжение) // Арханг. губ. вед. 1846. № 39. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 591–594.
10. *Озерецковский Н.* Описание моржоваго промысла (продолжение) // Арханг. губ. вед. 1846. № 40. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 604–607.
11. *Бэр К.М.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности (окончание) // Арханг. губ. вед. 1846. № 43. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 657–660.

12. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 605 с.
13. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты [начальника Экспедиции Н. Данилевского] и предположения. С картами Белого и Северного морей. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1862. 257 с.
14. Ефименко А. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. СПб.: С.-Петербур. отд-ние Ком. о сел. судоберегат. и пром. т-вах: № 2 тип. Майкова, 1873. Вып. 1. С. 1–76.
15. Ефименко П.С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. 272 с.
16. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства / под ред. К.В. Чистова. Л.: Наука, 1978. 176 с.
17. Белобородова И.Н. Водопромысловые артели Европейского Севера России: к проблеме государственного регулирования самоорганизующихся сообществ (середина XIX – начало XX в.) // Управленч. консультирование. 2014. № 4. С. 161–173.
18. Минаева Т.С. Поморские промыслы на Шпицбергене в конце XVIII – первой половине XIX в. // Экон. история. 2013. № 1(20). С. 6–13.
19. Никонов С.А. Зверобойный промысел Соловецкого монастыря на архипелаге Шпицберген в конце 1730-х гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2018. Технологии и техника в истории освоения Арктики. М.: Паульсен, 2019. С. 12–22.
20. Никонов С.А. Социальная организация монастырского новоземельского промысла в XVII – начале XVIII в. // Рос. история. 2017. № 5. С. 127–139.
21. Avango D., Hacquebord L., Wråkberg U. Industrial Extraction of Arctic Natural Resources Since the Sixteenth Century: Technoscience and Geo-Economics in the History of Northern Whaling and Mining // J. Historical Geography. 2014. Vol. 44. P. 15–30. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305748814000218> (дата обращения: 15.07.2020).
22. Conway M. No Man's Land. A History of Spitsbergen from Its Discovery in 1596 to the Beginning of the Scientific Exploration of the Country. Oslo, 1995. 377 p.
23. Jasinski M.E. Russian Hunters on Svalbard and the Polar Winter // Arctic. Vol. 44, № 2. P. 156–162. URL: https://www.unis.no/wp-content/uploads/2016/01/Arctic_vol44_no2_Jasinski.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
24. Устав цехов // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. второе. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830. Т. XXV. С. 864–888.
25. Высочайше утвержденное положение об артелях трудовых // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. третье. СПб.: Гос. тип., 1904. Т. XXII. С. 416–418.
26. Озерецковский Н. Описание моржового промысла (продолжение) // Арханг. губ. вед. 1846. № 41. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 623–627.
27. Озерецковский Н. Описание моржового промысла (окончание) // Арханг. губ. вед. 1846. № 42. Отд. второй. Ч. неофиц. С. 638–642.
28. Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера / сост. А.Н. Давыдов, А.А. Куратов; отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1988. С. 71–85.
29. Государственный архив Архангельской области. Ф. И-538. Оп. 1. Д. 9.

References

1. Isaev A.A. Arteli v Rossii [Artels in Russia]. Platonov O.A. (ed.). *Russkaya artel'* [The Russian Artel]. Moscow, 2013, pp. 61–287.
2. Prokopovich S. Artel. *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'* [New Encyclopaedic Dictionary]. St. Petersburg, 1911. Vol. 3. Cols. 749–767. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004103475#?page=400> (accessed: 15 July 2020).
3. Novikov I.A. “Artel’”: etimologiya slova i termin v russkom dorevolutsionnom zakonodatel'stve [Artel: The Etymology of the Word and the Term in Russian Pre-Revolutionary Legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 327, pp. 83–85.
4. Novikov I.A. Artel' v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. K voprosu ob opredelenii termina [Artel in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: On Defining the Term]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2009, no. 4, pp. 147–161.

5. Aver'yanov V.V. Russkaya artel'. Nevostrebovannyi opyt: iz proshlogo v budushchee? [Russian Artel. Unclaimed Experience: From the Past to the Future?]. *Svobodnaya mysl'*, 2014, no. 3, pp. 107–124.
6. Sedaev P.V. Artel', kak al'ternativnaya kapitalisticheskomu proizvodstvu, forma organizatsii khozyaystva v Rossii [Artel as an Alternative to Capitalist Production Form of Economic Organization in Russia]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Current Issues of Contemporary Science]. Moscow, 2014, pp. 241–244.
7. Aver'yanov V.V., Venediktov V.Yu., Kozlov A.V. *Artel' i artel'nyy chelovek* [The Artel and Artel Members]. Moscow, 2014. 688 p.
8. Ozeretskovskiy N. Opisaniye morzhovago promysla [A Description of Walrus Hunting]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 38. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 571–573.
9. Ozeretskovskiy N. Opisaniye morzhovago promysla (prodolzhenie) [A Description of Walrus Hunting (Continuation)]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 39. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 591–594.
10. Ozeretskovskiy N. Opisaniye morzhovago promysla (prodolzhenie) [A Description of Walrus Hunting (Continuation)]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 40. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 604–607.
11. Ber K.M. Ob etnograficheskikh issledovaniyakh voobshche i v Rossii v osobennosti (okonchanie) [On Ethnographic Research in General and in Russia in Particular (Ending)]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 43. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 657–660.
12. Maksimov S.V. *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangelsk, 1984. 605 p.
13. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. VI. Rybnye i zverinye promysly na Belom i Ledovitom moryakh. Obshchie otchety nachal'nika Ekspeditsii N. Danilevskogo i predpolozheniya. S kartami Belogo i Severnogo morey* [Research on the State of Fishing in Russia. Vol. 6. Fishing and Hunting in the White and Arctic Seas. General Reports of the Head of the Expedition N. Danilevsky and Assumptions. Containing Maps of the White and North Seas]. St. Petersburg, 1862. 257 p.
14. Efimenko A. Arteli Arkhangel'skoy gubernii [Artels in the Arkhangelsk Province]. *Sbornik materialov ob artelyakh v Rossii* [Collected Materials on Artels in Russia]. St. Petersburg, 1873. Iss. 1, pp. 1–76.
15. Efimenko P.S. *Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoy gubernii* [Folk Legal Customs of Peasants in the Arkhangelsk Province]. Moscow, 2009. 272 p.
16. Bernshtam T.A. *Pomor'y: formirovaniye gruppy i sistema khozyaystva* [The Pomors: The Group's Formation and Economy System]. Leningrad, 1978. 176 p.
17. Beloborodova I.N. Vodopromyslovye arteli Evropeyskogo Severa Rossii: k probleme gosudarstvennogo regulirovaniya samoorganizuyushchikhsya soobshchestv (seredina XIX – nachalo XX v.) [Water Trade Artels of the European North of Russia: On a Problem of State Regulation of Self-Organizing Communities (the Middle of XIX – the Beginning of the XX Century)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye*, 2014, no. 4, pp. 161–173.
18. Minaeva T.S. Pomorskie promysly na Shpitsbergene v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [Pomor Trapping on Svalbard in the End of 18th – First Half of 19th Century]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2013, no. 1, pp. 6–13.
19. Nikonov S.A. Zveroboynnyy promysel Solovetskogo monastyrya na arhipelage Shpitsbergen v kontse 1730-kh gg. [Hunting of the Solovetsky Monastery on Spitsbergen in the Late 1730s]. *Polyarnye chteniya na ledokole "Krasin" – 2018. Tekhnologii i tekhnika v istorii osvoeniya Arktiki* [Polar Readings on the Icebreaker Krasin – 2018. Technologies and Equipment in the History of Arctic Exploration]. Moscow, 2019, pp. 12–22.
20. Nikonov S.A. Sotsial'naya organizatsiya monastyrskogo novozemel'skogo promysla v XVII – nachale XVIII v. [The Social Organization of Monastic Fishing and Hunting on Novaya Zemlya in the 17th – Early 18th Century]. *Rossiyskaya istoriya*, 2017, no. 5, pp. 127–139.
21. Avango D., Hacquebord L., Wråkberg U. Industrial Extraction of Arctic Natural Resources Since the Sixteenth Century: Technoscience and Geo-Economics in the History of Northern Whaling and Mining. *J. Hist. Geogr.*, 2014, vol. 44, pp. 15–30. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305748814000218> (accessed: 15 July 2020).
22. Conway M. *No Man's Land. A History of Spitsbergen from Its Discovery in 1596 to the Beginning of the Scientific Exploration of the Country*. Oslo, 1995. 377 p.
23. Jasinski M.E. Russian Hunters on Svalbard and the Polar Winter. *Arctic*, 1991, vol. 44, no. 2. pp. 156–162. Available at: https://www.unis.no/wp-content/uploads/2016/01/Arctic_vol44_no2_Jasinski.pdf (accessed: 15 July 2020).
24. Ustav tsekhov [Guild Charter]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. St. Petersburg, 1830. Vol. 25, pp. 864–888.

25. Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie ob artelyakh trudovykh [Imperially Approved Regulations on Labour Artels]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3]. St. Petersburg, 1904. Vol. 22, pp. 416–418.

26. Ozeretskovskiy N. Opisanie morzhovogo promysla (prodolzhenie) [A Description of Walrus Hunting (Continuation)]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 41. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 623–627.

27. Ozeretskovskiy N. Opisanie morzhovogo promysla (okonchanie) [A Description of Walrus Hunting (Ending)]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1846, no. 42. Dept. 2. Unofficial pt., pp. 638–642.

28. Ovsyannikov O.V. Pomorskaya promyslovaya "entsiklopediya" kontsa XVIII v. [Pomor Fishing and Hunting "Encyclopaedia" of the Late 18th Century]. Davydov A.N., Kuratov A.A. (comps.). *Kul'tura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad, 1988, pp. 71–85.

29. *State Archives of the Arkhangelsk Region*. Coll. I-538. Inv. 1. Fol. 9 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V058

Daniil S. Zaozerskiy

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences;

nab. Severnoy Dviny 109, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0290-4551> e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru

SEA FISHING AND HUNTING ARTELS ON NOVAYA ZEMLYA AND SPITSBERGEN IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES: THE STRUCTURE AND LEGAL STATUS

During the 19th and early 20th centuries in the Arkhangelsk North, sea fishing and hunting were exercised by artels (collective associations). It can be explained by the region's severe climate and difficult conditions for fishing and hunting, which make working by oneself impossible. This paper is relevant due to the almost complete lack of studies on the internal organization and legal status of sea fishing and hunting artels on Novaya Zemlya and Spitsbergen in the 19th and early 20th centuries. Moreover, studies on these associations are necessary for further research into the Russian experience of sea bioresource exploitation in the Arctic during the 19th and early 20th centuries. The paper aimed to examine the structure and legal status of sea fishing and hunting artels on Novaya Zemlya and Spitsbergen throughout the aforementioned period. The materials included legal acts that regulated the work of artels in the 19th and early 20th centuries, published sources about fishing and hunting artels on Novaya Zemlya and Spitsbergen, as well as documents kept in the State Archives of the Arkhangelsk Region. To perform the analysis, the author utilized the historical-systematic and historical-genetic methods. The article dwells on the rules and customs that existed in Novaya Zemlya and Spitsbergen artels during the period under study, revealing how the structure of these associations had been changing. In conclusion, the author identified the applicable area of law for these artels in the 19th and early 20th centuries as well as the principles that contributed to their preservation.

Keywords: Arctic, Novaya Zemlya, Spitsbergen, sea fishing and hunting artel, sea fishing and hunting.

Поступила: 15.08.2020

Принята: 01.12.2020

Received: 15 August 2020

Accepted: 1 December 2020

For citation: Zaozerskiy D.S. Sea Fishing and Hunting Artels on Novaya Zemlya and Spitsbergen in the 19th – Early 20th Centuries: The Structure and Legal Status. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 6, pp. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V058